

Дмитрий Асташкин, кандидат исторических наук,

доцент кафедры журналистики НовГУ

Память об Октябре 1993 года в российской культуре

Российское общество редко осмысляет кризис Октября 1993 года. Четкой оценки тем событиям нельзя найти ни в политике, ни в образовании. В русской речи нет даже общепринятого названия для тех событий. Одной из причин этого забвения может быть недостаточное отражение Октября 1993 года в российской культуре. И хотя Октябрь 1993 года стал трагическим событием, определившим всю новейшую историю России, его культурный след несоизмеримо мал. А ведь именно деятели культуры острее прочих реагируют на трагедии, своей творческой рефлексией укрепляют эмоциональную связь народа с событиями прошлого. Из-за нехватки культурных артефактов народная память формируется стихийно или не формируется вовсе, исторические события не дополняются личными эмоциями. Как следствие, современные россияне достаточно равнодушны не только к конфликту 1993 года, но и к его жертвам. Однако, на данном этапе в России формируется запрос на культурное переосмысление событий 1993 года. В частности, 20-летняя годовщина Октября 1993 года вызвала большой культурный резонанс, чем 10-летие в 2003 году: широко освещается в СМИ новый роман С. Шаргунова «1993», сняты док. фильмы («Белый Дом, черный дым» и др.) проводятся круглые столы, организуются выставки и т.д.

Уместным будет к 20-летию расстрела Белого Дома подвести культурные итоги за этот срок. О числе произведений на тему Октября 1993 года не знают даже сами деятели культуры, варьируя оценки от «огромного количества»¹ до «тема практически не освещена»². События 1993 года пока слабо исследованы в российской науке, и еще меньше изучена память о них в российской культуре – есть только единичные работы³. В своем исследовании мы попытаемся понять – в каких артефактах культуры представлен Октябрь 1993 года в России, как его интерпретировала творческая интеллигенция. Сразу обговорим, что рассмотреть всю российскую культуру не позволяет объем данной статьи, поэтому мы ограничимся анализом артефактов культуры об Октябре 1993 года в конкретных сферах – литературе, документальном кино, и, частично, в публицистике и музыке.

¹ Головин Олег Художественная документалистика (Чем на самом деле является новый роман Ильи Стогоффа "Революция сейчас!") // «Завтра», 11 ноября 2001 года.

² Дарья Ефремова Сергей Шаргунов: «Закончил роман про 1993 год» // «Культура», 4 февраля 2013 года.

³ Бердыко А.Е. Ю.В. Бондарев «Бермудский треугольник» // Объед. науч. журн. М., 2003. – N 33. – С. 41-43; Гаврилов, В.А., « Проблема национальной катастрофы в романе Ю. Бондарева “Бермудский треугольник” // Русское литературоведение на современном этапе. – М., 2007. – Т. 2. – С. 30-33; Рыбак, О.В., Человек и время в художественной концепции личности В.Крупина на материале повести “Слава Богу за все” // Вестн. Адыг. гос. ун-та, – Майкоп, 2008. – N 10. – С. 161-163.

Важной задачей нашего исследования является поиск ответа на вопрос: «Почему тема Октября 1993 года непопулярна в российской культуре?». Об этом мы спросили тех деятелей культуры, которые создали ключевые произведения к 10-летию и 20-летию расстрела Белого дома.

Аркадий Бабченко, редактор фильма «Чёрный октябрь белого дома» (2003 год, «НТВ») и очевидец октябрьских событий, считает, что в данном случае культура подчинена политике: «Непопулярно вообще все, что связано с нашей новейшей историей. В 1993-м произошла маленькая гражданская война, у власти находится победившая сторона, на которой кровь людей, убитых за эти два дня - кровь немаленькая – и лишний раз поднимать эту тему, тему расстрела толпы у Останкино, тему расстрела танками собственного Парламента, тему того, что в 1993-м было положено начало чеченским войнам, тему передачи власти дальше «преемнику» Путину - да кому это надо?»⁴.

Сергей Шаргунов, автор книги «1993» (2013 год) и очевидец октябрьских событий, также ссылается на политическое замалчивание и на необходимость исторической перспективы в осмыслении темы: «Мне кажется, требуется некоторая временная дистанция, чтобы осмыслить событие, которое заслоняют пристрастия. Вообще в литературе про 1993-й год писали немало, в кино вот практически ничего нет. Мало желающих из тех, у кого властные рычаги, проводить расследование того смертоубийства. 1993-й год — та тема, которую старательно замалчивали все эти годы и к которой все время будут возвращаться»⁵.

О стремлении политиков забыть Октябрь 1993 года говорят также ученые. Историк Ю. Кантор отметила, что попытки замалчивания Октября 1993 года начались сразу после расстрела Белого Дома: «Если в августе 1991-го представители обеих противоборствующих сторон с готовностью несли музейщикам «артефакты», то в 1993-м те и другие делали это нехотя. Они явно не хотели, чтобы случившееся вошло в историю».⁶

Непопулярность темы можно объяснить и другими причинами: разделенное противоречиями российское общество, отсутствие в России единой системы ценностей и единых мифов новейшей истории, слишком короткая для осмысления временная дистанция, разочарование той эпохой и теми лидерами. Что примечательно, большинство этих причин также называли российские писатели, объясняя отсутствие культурного следа о похожем событии - августовском путче 1991 года⁷.

Чтобы понять эволюцию культурной памяти об Октябре 1993 года мы проанализируем ее в виде четырех условных этапов:

⁴ Интервью Д. Асташкина с А. Бабченко от 30 сентября 2013 года. Машинопись.

⁵ Интервью Д. Асташкина с С. Шаргуновым от 27 июля 2013 года. Машинопись.

⁶ Кантор Ю. Остановленная революция. 1993 год попал в музей // «Российская газета», 23 сентября 2013 года.

⁷ Гаррос А. Код обмана // «Сноб» № 05 (32) май 2011.

1) Весна 1993 года – октябрь 1993 года: время двоевластия. Как следствие, разделение творческой интеллигенции на два лагеря и их политические призывы, большинство жестко поддержало Ельцина, что вызвало обвинения в сервильности. Примерами полемики стали «письмо 36-ти», «письмо 42-х» и реакция на них.

2) ноябрь 1993 – декабрь 1999 года: проигравшие защитники Белого дома берут реванш в первом творческом осмыслении конфликта (проза, поэзия, песни, мемуары, док. фильмы). Отсюда героизация погибших за Белый дом, демонизация ОМОНа и армии, обилие сцен насилия, использование произведений Октября 1993 года в качестве критики Б. Ельцина. С 1994 года популярность Б. Ельцина резко упала (см. опросы ВЦИОМ), поэтому лояльная ему творческая интеллигенция почти не отзывалась на тему Октября 1993 года, также молчала официальная пресса и телевидение. За этот период было создано наибольшее количество культурных артефактов по теме, однако они были лишены самого главного – широкой аудитории. А ведь, по Д. С. Лихачеву, без сотворчества аудитории теряет свое значение и само творчество⁸.

3) 2000 – 2003 гг. Смена политического курса в стране привела к переосмыслению событий Октября 1993 года в историческом контексте: выход публицистики, мемуаров, док. фильмов к 10-летию конфликта. Впервые с 1993 года освещались позиции обеих сторон конфликта в официальной прессе и в телевидении, вплоть до критики решений Б. Ельцина. Появление книг и сериалов, рассказывающих обо всех событиях 1980-х - 1990-х годов в виде хроники или эпоса. На этом этапе творческая интерпретация Октября 1993 года была сдержанной, без резких оценок. Оппозиционеры перестали использовать тему в качестве критики Б. Ельцина т.к. сменился президент. Это привело к сокращению литературных произведений об Октябре 1993 года.

4) 2004 – октябрь 2013 года: формирование у общества негативного отношения к режиму Б. Ельцина, к либералам 1990-х годов, рост ностальгии по СССР. Как следствие, появляется многочисленная публицистика с осуждением расстрела Белого дома, идет переосмысление «письма 42-х», критика лояльных Б. Ельцину деятелей культуры в блогах и социальных сетях. Двадцатилетие конфликта актуализировало интерес к Октябрю 1993 года в медиасфере и дало новый повод для творческой рефлексии, ее ярким воплощением стал роман – «1993» знаменитого писателя Сергея Шаргунова, первый роман на эту тему с 1999 года. Возникла новая культурная связь: в книге и в СМИ события 1993 года увязываются с московскими митингами 2011-2012 года.

Проследим поэтапно – как менялось отношение деятелей культуры к борьбе президента и парламента.

Этап 1. В самом 1993 году деятели культуры вместо творчества активно декларировали свои политические взгляды в газетах (открытые письма, обращения, воззвания), вступали в идеологическую полемику с коллегами. В особенности такая

⁸ Дмитрий Лихачев Культура как целостная среда // «Новый Мир», №8, 1994.

риторика была характерна для литераторов, которые за период горбачевской гласности приобрели большой общественный вес. Свой стиль и репутацию они сделали политическими инструментами для обеих сторон конфликта. Идеологическое противостояние деятелей культуры прошло через всю дальнейшую память об Октябре 1993 года в российской культуре, поэтому рассмотрим его подробнее.

Референдум 25 апреля 1993 года породил яркую волну споров в культурном сообществе. Творческая интеллигенция в пылу агитации разделилась на два лагеря: за президента и за парламент. Наиболее яркими были сторонники Б. Ельцина: знаменитый режиссер Э. Рязанов, народный артист РСФСР Н. Караченцов, кумир молодежи рокер К. Кинчев и другие с жаром продвигали ельцинский лозунг «да-да-нет-да». Подобная публичная лояльность власти вызывала критику даже у нейтрально настроенной интеллигенции. Так, литературный критик В. Топоров сравнивал сторонников Ельцина со сторонниками Сталина: «Пожалуй, никогда со времен развитого сталинизма искусство не служило власти со столь самозабвенным восторгом. <...> Литературе и искусству необходим просвещенный паразитический слой. На худой конец, сойдет и непросвещенный. Лишь бы платил, заказывал, угощал. Таким слоем была номенклатура КПСС. И вдруг все это рухнуло. Вот почему так льнут мастера к Ельцину - они прозревают в нем деспота, они умоляют его стать деспотом (надеясь, что деспотом он окажется просвещенным, потому что они его просветят)»⁹.

После референдума лояльные президенту писатели демонстрировали политическую агрессию, предлагая радикальные действия против парламента. В августе 1993 года газета «Литературные новости» опубликовала письмо 36-ти писателей, содержащее осуждение политики Верховного Совета России и призыв провести его досрочные перевыборы. В сентябре 1993 года группа писателей, подписавших письмо 36-ти, встретила с президентом России Б. Ельциным на его «даче»¹⁰ и заявила о своей безоговорочной поддержке силовых действий в конфликте между президентом и парламентом, призывала применить силу в конфликте. С приближением Октября 1993 года призывы разогнать парламент становились все более грубыми: журналист Александр Архангельский: «Разговоры о легитимности-нелегитимности пусты... Да, переворот. Да, неконституционно. Ну и что?»¹¹. Свою лояльность президенту творческая интеллигенция монополюно демонстрировала и в телеэфире. К примеру, артистка Лия Ахеджакова накануне расстрела парламента спрашивала телезрителей: «Где наша армия? Почему она нас не защищает от этой проклятой конституции?»¹².

Другие деятели культуры встали на сторону парламента, апеллировали к демократии и конституции, призывали избежать крови. Так, 2 октября 1993 года в газете «Советская Россия» было опубликовано обращение деятелей культуры к Патриарху Алексию II с политизированным призывом «встать во главе всей страны в борьбе за восстановление Конституции России и гражданского мира. <...> Ведь если

⁹ Топоров В. С кем вы, мастера халтуры? // «Независимая газета», 30 апреля 1993 года.

¹⁰ Особняк на улице Академика Варги, в нем заседала ГКЧП в 1991 году.

¹¹ Цит. по: Шохина В. На всех парах через болото // «Независимая газета», 9 октября 1993 года.

¹² ТВ-выступление Л. Ахеджаковой, 3 октября 1993 год <http://www.youtube.com/watch?v=5Iz8IX0Xygl>

прольется кровь и погибнут сотни героических защитников демократии в Доме Советов, в том числе и трое православных священников, то их кровь окажется на Вашем белоснежном облачении». Несмотря на посредничество Патриарха, переговоры не окончились успехом, кровь пролилась.

Нападение на телецентр «Останкино» напугало творческую интеллигенцию, этот страх они транслировали на всю страну. Актер М. Ефремов о штурмующих: «Они не понимают юмора. Они просто очень глупые и жестокие. Поэтому с ними надо общаться на том же языке». Телеведущий Д. Дибров: «Ребята из спецназа отстояли нас от толпы пьяных бандитов». Так знаменитые деятели культуры создавали эмоциональную поддержку населения для оправдания решений президента.

После расстрела Белого дома лояльные Ельцину литераторы почувствовали себя победителями и стремились закрепить победу в «письме 42-х» (газета «Известия» от 5 октября 1993 года). В нем они призывали «признать нелегитимными не только съезд народных депутатов, Верховный Совет) но и все образованные ими органы (в том числе и Конституционный суд)», требовали запретить оппозиционные партии и СМИ.

Требования «письма 42-х» не были выполнены, но агрессия победителей сразу же вызвала критику не только проигравших, но и нейтральных сил. Журналисты упрекали подписантов в провокационных призывах нарушить закон: «В стане «победителей» есть странное общественное образование, называемое «творческой интеллигенцией». Роль ее в политике достаточно серьезна, чтобы не обращать на нее внимания. Именно эта группа литераторов имела доступ к президенту и оказывала на него сильное влияние. Именно эта группа требовала решительных мер - так, как она их понимала, и так, как их понял президент. <...> Тех, кто стал «подписантом», особенно после или по второму разу, я никак не могу уважать, уж извините... <...> И я с горечью вынуждена сказать: в эти дни творческая интеллигенция выбрала себе роль провокатора и подстрекателя. И с удовольствием, в охотку исполняет ее. А должна была бы выбрать другую роль».¹³

С призывами к совести выступил писатель Ю. Поляков: «Нынешним деятелям СМИ и тому, что осталось от нашей культуры, когда-нибудь будет стыдно за свои слова о «нелюдах, которых нужно уничтожить». А если им никогда не будет стыдно, то и говорить о них не стоит»¹⁴.

Литераторы В. Максимов, А. Синявский, П. Егидес (советские диссиденты, проживающие во Франции) опубликовали в «Независимой газете» письмо «Под сень надежную закона...»¹⁵, где ставили в пример 42-м литераторам гуманизм поэта А. Пушкина: «К жестким мерам призвали самые достойные люди - сплошь демократы и гуманисты, духовные наследники великого поэта, который любезен нам помимо всего прочего тем, что «милость к падшим призывал».

¹³ Шохина В. На всех парах через болото. Несвоевременные мысли о творческой интеллигенции в океанские дни // «Независимая газета», 9 октября 1993 года.

¹⁴ Поляков Ю. Октябрьский переворот // Комсомольская правда, 7 октября 1993 года.

¹⁵ Максимов В., Синявский А., Егидес П. Под сень надежную закона... // «Независимая газета», № 198, 16 октября 1993 года.

«Письмо 42-х» стало в народной памяти символом жестокости творческой интеллигенции в Октябре 1993 года, прочно вошло в биографии подписантов. Чем критичней относились россияне к режиму Б. Ельцина, тем чаще критиковались и авторы «письма 42-х» за антикоммунизм и антигуманизм. Литературный критик В. Топоров писал в 2007 году: «Хорошо помню октябрь 1993 года: после того, как «цвет творческой интеллигенции» поддержал расстрел парламента и потребовал у Ельцина новых казней, я решил для себя окончательно: этих (и таких) я впредь щадить не буду. «Смягчающие обстоятельства» — как то: бывшие заслуги, личное обаяние, возраст, болезни, перенесенные невзгоды и даже смерть — к рассмотрению более не принимаются. Отныне я буду писать об этих литераторах именно и только то, что думаю. И всё, что думаю!»¹⁶.

В интервью авторы письма 42-х периодически отвечают на вопрос: «Зачем Вы подписали то письмо?». От подписантов ждали раскаяния, но большинство отстаивало свою позицию. Типичной в этом отношении является беседа журналиста О. Кашина и писателя Г. Бакланова: «Рядом с подписями Дмитрия Лихачева, Булата Окуджавы, Виктора Астафьева и других под этим письмом стояла и подпись Григория Бакланова, и я волновался, спрашивая его об этом письме, полагая, что старый писатель может нервно отреагировать на напоминание о прошлых ошибках. Волноваться, как оказалось, не стоило: внимательно выслушав вопрос, Бакланов ответил:

— Ну да, подписал. И правильно подписал! Белый дом во главе с Хасбулатовым вел к тому, чтобы растоптать те небольшие ростки реформ, которые только начали Ельцин и Гайдар. Ельцин же шел на уступки, он хотел договориться с Хасбулатовым, и народ проголосовал за Ельцина — помните, «Да-да-нет-да»? Армия выжидала, все всего боялись, и мы не могли в такой обстановке оставаться в стороне.

Ответ показался мне не очень точным, и я спросил еще: не считает ли Бакланов, что требовать у властей жестокости по отношению к оппозиции — это нарушение принципов интеллигентского гуманизма. Бакланов ответил так:

— Когда началась война, я пошел на фронт добровольцем. До войны я не хотел идти ни в военное училище, ни в армию, считал, что у меня другое призвание, хотел быть авиационным техником. Но когда фашисты напали на мою Родину, права на сомнения у меня уже не было, и я пошел на фронт. А Хасбулатов и компания — те же фашисты, так что в октябре девяносто третьего я просто снова пошел на фронт и не жалею об этом»¹⁷.

Однако, с годами некоторые авторы «письма 42-х» стали оправдываться. Так, в 2013 поэт Андрей Дементьев стал отрицать не только свою подпись, но и подпись Б. Ахмадулиной и Б. Окуджавы: «Прошло уже 20 лет. До сих пор меня упрекают, что я подписал коллективное письмо в Известиях. А я его не подписывал, Не подписывал его и Булат Окуджава, фамилия которого там стоит. И не подписывала его Белла

¹⁶ Бавильский Д. Виктор Топоров: Хорошо информированный оптимист // Портал о современной культуре «ШО» <http://sho.kiev.ua/article/994>

¹⁷ Кашин О. Человек со «Знаменем» // «Русская жизнь», 14 марта 2008 года

Ахмадулина, чья подпись там стоит. Я в это время был на Кавказе, и когда я увидел в газете «Известия» свою подпись: я откуда это? Кто позволил? Я вообще не подписывал, тем более такие письма»¹⁸. Предположим, что подобные утверждения спустя 20 лет могут вызывать сомнения у литературоведов и историков. Отметим также современные взгляды А. Дементьева на Октябрь 1993 года: в 2013 году он полностью согласился с художником А. Шиловым, гневно осудившим расстрел Белого дома¹⁹, а также посвятил выпуск своей радиопередачи роману «1993» С. Шаргунова, в которой хвалил автора и книгу²⁰.

Таким образом, в публичном поле 1993 года доминировала творческая интеллигенция, поддерживающая президента. Она провоцировала конфликты, высмеивала парламент (ярким примером является монолог юмориста Г. Хазанова «Защитник Белого Дома», где он изображал их как алкоголиков). Сторонники парламента критиковали их за агрессию в своей публицистике. В целом же, ожесточённая политическая полемика 1993 года дискредитировала деятелей культуры не только в глазах друг друга, но и в глазах народа.

Этап 2: ноябрь 1993 - декабрь 1999 года можно назвать творческим реваншем оппозиции.

Расстрел Белого дома вызвал сильную творческую реакцию у оппозиции, а также у гуманистически настроенной интеллигенции. Основной посыл произведений оппозиционеров – идеологический реванш. Что интересно, лидеры защиты Белого дома (Руцкой, Хасбулатов, Баркашов и т.д.) представлены в творчестве ноября 1993 г – декабря 1999 гг. достаточно бледно. В противовес лидерам парламента героизировались рядовые защитники Белого дома, в особенности, погибшие. Отсюда многочисленные сцены жестокости армии и ОМОНа, они как бы подчеркивали безвинность жертв.

Участник октябрьских событий, оппозиционер-писатель Эдуард Лимонов не написал художественного произведения о защитниках Белого дома, хотя озвучивал такое намерение. Он ограничился репортажной хроникой: в 1997 году вышла «Анатомия героя»²¹, в нее автор включил свой репортаж для газеты «День» конца сентября 1993 года, а также позднейший комментарий. Так, Э. Лимонов подробно описал свои воспоминания о ключевых событиях: блокада Белого дома, штурм мэрии, штурм Останкино и т.д. Наряду с героизацией рядовых защитников Белого дома, Лимонов обвинил Руцкого и его команду в трусости и безволии: «Следуя капризам и приступам страха, позер Руцкой несколько раз собирал и вновь раздавал оружие. Не было в восстании чиновников единой воли. <...> Короче, они оказались недостойны наших солдат. Они позорно просидели на задницах все восстание. Сдаваясь в плен и

¹⁸ Интервью А. Дементьева с художником А. Шиловым // «Вирази времени», эфир «Радио России» от 16 февраля 2013 года

¹⁹ Интервью А. Дементьева с художником А. Шиловым // «Вирази времени», эфир «Радио России» от 16 февраля 2013 года

²⁰ Интервью А. Дементьева с писателем С. Шаргуновым // «Вирази времени», эфир «Радио России» от 7 сентября 2013 года

²¹ Лимонов Э. «Анатомия героя», М., Русич, 1997.

сдавая автомат, плачущий говнюк Руцкой демонстрировал его нетронутую смазку. Он не стрелял, этот урод»²².

Таким образом, в произведениях оппозиции об Октябре 1993 года не было единых героев и вождей, зато были единые злодеи-предатели: Б. Ельцин, Е. Гайдар, Ю. Лужков и другие. ПВ 1994 году в оппозиционной газете «Завтра» (перенявшей традиции закрытой в сентябре 1993 года газеты «День») публиковались стихи читателей, где критиковались за «предательство народа» Ельцин, генерал Поляков, ОМОН и т.д.

Политически нейтральные деятели культуры отозвались на события 1993 года стихами и песнями, где выражали страх перед гражданской войной, передавали ощущение хаоса. Такова поэма «Тринадцать» Е. Евтушенко (1996 г.), где он писал о «гражданской мини-войне», поэма Д. Быкова «Военный переворот» (1996) про стрельбу в городе, песня Ю. Шевчука «Правда на правду» (написана в 1993 году, выпущена в 1997 году). В 1995 году бард А. Городницкий написал стихотворение «4 октября», герой которого сдает кровь для жертв «братоубийственного» конфликта.

Братоубийство потрясло и главного героя повести В. Крупина «Слава Богу за все (1995): «Русские убивали русских. Даже когда русские выходили без оружия, сдаваясь на милость победителя, другие русские их били, убивали, пинали, пытали, казнили»²³

Тема «брат на брата» стала центральной и для пьесы В. Белова «Семейные праздники»²⁴ (1994 год), которая была поставлена в 1996 году на сцене МХАТ. Пьеса повествует о московской семье, часть которой нейтральна, часть поддерживает Ельцина, часть защищает Белый дом. Приведем типичный разговор между родственниками:

«Р о м а н. Нет, пусть он скажет, сколько ему платят. Бейтаровцам я знаю сколько, а этим? Валютчики-автоматчики! Они сидят на крышах и чердаках! Стреляют в толпу, а сваливают на Верховный Совет. Вэче три тысячи сто одиннадцать... Им же платят за каждый выстрел... Лужков не жалеет доллары.

В л а д и м и р Г р и г о р ь е в и ч. Это говорят про тебя? Неужели... все это правда? Мой старший сын стреляет за доллары... младший уходит из дому...»

Отличаются по форме, но идеологически очень похожи две книги: роман Александра Проханова «Красно-коричневый» (1999 год), и повесть Юрия Петухова «Черный дом» (1994). В этих произведениях оба автора тосковали по СССР, не только сочувствовали защитникам Белого дома, но прямо желали им победы, интерпретируя ее как возрождение Империи. Падение Белого Дома представлено у Проханова и Петухова как падение русской цивилизации. В книгах чувствуется ненависть к

²² Лимонов Э. «Анатомия героя», М., Русич, 1997.

²³ Цит по: Рыбак О.В. Человек и время в художественной концепции личности В.Крупина на материале повести «Слава Богу за все» // Вестн. Адыг. гос. ун-та, – Майкоп, 2008. – N 10. – С. 163.

²⁴ Белов В. Семейные праздники: Пьеса в 2-х д. // Москва. - 1994. - № 10. - С. 9-41.

ельцинскому режиму, подробно описываются акты насилия – в особенности, жестокость милиции, которая убивает мирных граждан. Вот характерная сцена из «Красно-коричневого»: «Группа солдат била щитами старика, дружно, с обеих сторон. Плющила его, дробила его хрупкие кости. Старик оседал, но щиты не давали упасть, подбрасывали его. Было слышно, как металл ударяет в сухой скелет и тот хрустит и ломается. Солдаты переступили через упавшего старика, понесли вперед свои сияющие щиты, а старик остался лежать, плоский, как камбала, и из-под него текла жижа». Похожие сцены жестокостей ОМОНа содержит и первая глава романа Юрия Бондарева «Бермудский треугольник» (1999 год), в первых же фразах книги садист-омоновец медленно убивает юного казака.

Наряду с художественной литературой в период 1993 -1999 гг. активно печатались мемуары участников конфликта. Первой стала книга журналистки газеты «Коммерсант» Вероники Куцылло «Записки из Белого дома» (1993 год), где в форме эмоционального дневника юной девушки описаны события с 21 сентября по 4 октября 1993 года. Также в 1994 году выходят сборник мемуаров «Кровавый Октябрь: Свидетельства очевидцев» и «Площадь свободной России: Сборник свидетельств о сентябрьских-октябрьских днях 1993 г. в столице России». Кроме того, Рущкой, Хасбулатов, Бабурин публиковали мемуары, где пытались оправдать свои действия. Все они описывали конфликт с позиции защитников Белого Дома, негативно изображали войска, ОМОН и решения Бориса Ельцина.

Вся эта литература позволила автору газеты «Завтра» с гордостью заявить: «Если в патриотическом лагере писателей за это время [имеется в виду период 1993-2001 гг. – Д.А.] было создано огромное количество произведений, воспевающих героев 93-го, то либералы, сознавая свою неправоту по данному вопросу («Раздавите гадину!»), побоялись написать что-либо про 1993 год. Для них тема октября 1993 года — это жесткое табу»²⁵.

Тема Октября 1993 года отразилась также и в документальном кинематографе. Первый из них – «Час негодяев» Станислава Говорухина (1993), он представлял собой монтаж ТВ-хроники и закадровый комментарий. В фильме С. Говорухин впервые поднял тему гибели журналистов в конфликте. Также он высказал критику решений Б. Ельцина, это неудивительно – в 1996 году С. Говорухин стал доверенным лицом Г. Зюганова на президентских выборах. Фильм Вячеслава Тихонова «Русская тайна» (1996) важное место уделил беседам с участниками событий Октября 1993 года, а также философскому осмыслению конфликта.

Особое место вне политики занимает фильм «Александр Сидельников. Свидание с вечностью» (1996) о погибшем у Белого дома режиссере-документалисте А. Сидельникове. Знаменитый режиссер, лауреат премии «Ника», пытался снять документальный фильм об Октябре 1993 года и был убит снайпером.

²⁵ Головин Олег Художественная документалистика (Чем на самом деле является новый роман Ильи Стогоффа "Революция сейчас!") // «Завтра», 11 ноября 2001 года.

По сравнению с литературой и кинопублицистикой Октябрь 1993 года совершенно не представлен в музыке 1990-х годов (впрочем, как и в современной). Логичным было бы ждать подобной темы в российской рок-музыке, которая в конце 1980-х годов основывалась на гражданском протесте. Однако, именно в это время тексты т.н. «Русского рока» превращались из социальных в философские. Поэтому, кроме одной песни Ю. Шевчука, рок-музыканты не отозвались на события Октября 1993 года. Какие-то следы темы можно найти в бардовских песнях оппозиционеров 1990-х годов (к примеру, в творчестве А. Харчикова), но они были малоизвестны. Самую же известную песню «Москва 93» о тех событиях исполнила в 1994 году Н. Медведева (жена Э. Лимонова), в ней она описывала московский хаос: «Черным атомным грибом застыл парламент / Мы, конечно, скажем «Да!», как отрекламят».

В конце 1990-х годов предпринимались первые попытки вписать Октябрьские события в хронику всего десятилетия и даже найти в них комические элементы. Нам известно два таких артефакта культуры: сериал «Наши 90-е» (снят в 1998 году, но так и не вышел на экраны) и роман Ю. Полякова «Замыслил я побег». (1999 год).

В творчестве защитников Белого Дома юмор отсутствовал, они формировали исключительно героическую память об Октябре 1993 года, и тем самым взяли реванш, поскольку их оппоненты молчали. Вот только мало кто об этом знал: произведения издавались маленькими тиражами, о них не было сюжетов в федеральных СМИ (кроме прокоммунистических изданий), доступ на ТВ был перекрыт вовсе, как следствие, произведения не были известны широкой аудитории.

Этап 3: период 2000 – 2003 гг. позволил переосмыслить события предыдущего десятилетия и Октября 1993 года Уход Б. Ельцина с поста президента позволил критиковать его решения даже в официальных СМИ, в том числе на федеральных телеканалах.

Знаковым в этом плане является документальный телефильм «Чёрный октябрь Белого дома» (2003), показанный на канале «НТВ» к 10-летней годовщине разгона Парламента. В фильме делался акцент на интервью с родственниками погибших, их перемежали комментарии участников событий: Е. Гайдара. Р. Хасбулатова, Г. Бурбулиса и др. В фильме бесстрастно приведены мнения всех сторон, генералов и политиков, защитников и атакующих. Герои прокомментировали не только ход событий, но и теории о третьей силе, снайперах. Лаконичные съемки 2003 года на местах событий тесно переплетены с тв-хроникой 1993 года. Чтобы лучше понять механику создания фильма, мы взяли экспертное интервью у его редактора – журналиста А. Бабченко (в его обязанности также входила работа корреспондентом, поиск героев, съемка, монтаж)²⁶:

«- Какой Вам видится народная память об Октябре 1993 года? Хотели ли Вы изменить ее своим фильмом?»

²⁶ Экспертное интервью А. Бабченко. Записал Д. Асташкин, машинопись, 30 сентября 2013 года.

- Надо просто один раз и навсегда дать объективную фактологическую - это самое главное - оценку случившихся событий. Пошагово. Опираясь только медицинскими фактами. Иначе мы никогда не поймем, что это было и зачем. И это задача государства, конечно же. А в одном фильме это невозможно сделать. Он всегда будет субъективен. И наш тоже был субъективен, безусловно. Продукт, в общем-то, соответствовал изначальной задумке: через истории конкретных погибших людей показать и попытаться проанализировать случившееся. Но главное было - люди.

- Насколько Ваши воспоминания об Октябре 1993 года влияли на фильм?

- Да все как в кино произошло. Шли по Калининскому, над улицей летали траассирующие пули, потом около входа в Белый Дом была огромная лужа крови с прожилками, рядом стоял пьяный мужик, сказал, что только что при нем снайпер попал в бедро человеку, ему было весело от этого, у меня же на загривке шерсть дыбом полезла. Мародеры выносили все, что можно. Потом выводили охранявшую Белый Дом милицию и избивали ее под мостом - это на моих глазах было. А потом подошли танки и начали бить по парламенту, а мы с товарищем стояли и прятались за мачтой освещения. И все стояли и прятались. Вся улица была полна зевак. Люди посмотреть пришли. Потом Парламент загорелся. Воспоминания влияли, конечно, потому что когда видишь все это своими глазами, это уже формирует взгляд на происходящее. Поэтому я и говорю - фильм был субъективным.

- Все ли политики и военные охотно участвовали в интервью?

Те, по которым стреляли и убивали - не отказался никто, те, которые стреляли - отказывались. Я не помню точно, но отказы - были. Хотя многие согласились - тот же Коржаков, например, и это было для меня удивительно. Когда делаешь такой фильм, это и обязанность и высший пилотаж журналиста - взять интервью у главных действующих лиц, являющихся еще и первыми лицами в государстве. Про Макашова с Баркашовым не помню, по-моему, они нас не интересовали, а вот Ельцину запрос был. Точнее, его пресс-службе, естественно. Естественно, был отказ. А вот Хасбулатов согласие дал. И это тоже показатель, кстати.

- Насколько руководство канала формировало идеологию фильма?
Формировало в какой-то степени, но не слишком сильно. В целом, мы сказали все, что хотели сказать. Сейчас такой фильм сделать было бы совершенно невозможно. Это абсолютно исключено. А тогда попытки цензуры только начинались, она еще не завоевала всего ТВ полностью. С третьей стороны никто не давил. Нет, никаких угроз или попыток подкупа не было»²⁷.

Впрочем, А. Бабченко приводит также пример идеологического давления на других авторов. К 10-летию Октября 1993 года по заказу канала «РТР» был снят документальный фильм «Мятеж 93-го» (реж. В. Пичул). По данным А. Бабченко, главный редактор документального кино на «РТР» А. Виноградова внесла в фильм около десятка идеологических правок: «1. Усилить тему ответственности левых за

²⁷ Экспертное интервью А. Бабченко. Записал Д. Асташкин, машинопись, 30 сентября 2013 года.

гражданскую войну... 2. Убрать тему пьянства Ельцина. 3. Эпизод с Останкино: то, что гранатомет бил изнутри, неправда. Надо исправить: откровенная провокация разбушевавшихся пьяных скотов...»²⁸ и т.д.

На том же канале «РТР» в 2002 году стал очень популярным сериал «Бригада», осмысляющий историю 1990-х годов в виде бандитского эпоса. Действие седьмой серии происходит в начале октября 1993 года. Главные герои-бандиты спасают защитников Белого Дома от преследования ОМОНа, за что их грубо запирают в камеру на сутки. Утром, выйдя из отделения милиции, бандиты со страхом смотрят на армейский грузовик, полный трупов. Тем самым сериал изобразил нетипичную моральную ситуацию: преступники оказываются милосердней ОМОНа и армии.

Таким образом, в период 2000-2003 гг. культурное осмысление Октября 1993 года переместилось из оппозиционной литературы на федеральные телеканалы, что позволило резко расширить аудиторию.

Этап 4: с 2004 года и по сегодняшний день тема Октября 1993 года постепенно теряет актуальность и становится историей, а Б. Ельцин все чаще воспринимается негативно. Все это позволило деятелям культуры интерпретировать тему совершенно по-разному. Так, Л. Юзефович в романе «Журавли и карлики» (2009 год) представил Октябрь 1993 года как конфликт «журавлей и карликов»: «Журавли мыслят большими пространствами, при этом в обыденной жизни сконцентрированы на одном партнере и малом круге друзей, карлики мыслят утилитарно, но в замкнутом пространстве они — будто в человеческом муравейнике, где каждый встречный может послужить их пользе и удовольствию. Две России — журавли и карлики — в октябре 1993-го выходят на две разные площади».²⁹ В романе «журавли и карлики» Л. Юзефовича есть также трагикомический эпизод Октября 1993 года: аферист Жохов несет портрет Билла Клинтона мимо Белого дома, выдавая его за портрет Ленина, за это его избивают защитники парламента.

Провокационно используется Октябрь 1993 года в рассказе В. Маканина «Старик и Белый дом» (2006 год): пенсионер едет с едва знакомой девушкой за дозой наркотиков в Белый Дом. Во время штурма у девушки начинается наркотическая ломка. Все это автор интерпретирует через монолог героя: «Вроде как здесь страдает молодая и красивая новая Россия, переламывая в себе (ломка!) вековую наркозависимость. От тоталитаризма, разумеется. Ух и ломка. Ох и кино. А рядом с девицей старый хрыч... Но тоже со смыслом... Старый я — это собственной персоной старая Россия, которая не против молодой. Совсем даже не против. Но и помочь ей ничем не может — только вот водичкой из стакана кропит, брызг! брызг!.. священнодействие стариковской сухой руки».³⁰

²⁸ Бабченко А. «Тему пьянства Ельцина убрать» // Живой журнал А. Бабченко.

<http://starshinazapasa.livejournal.com/23487.html>

²⁹ Курчатова Н. От 1993-го — к Болотной // «Известия», 22 сентября 2013.

³⁰ Маканин В. Старик и Белый дом. Рассказ // Новый мир, № 9, 2006.

http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/9/ma2.html

В 2010 году появилась детская книга «Егор» М. Чудаковой, это первое с 1993 года произведение, которое безоговорочно поддерживало расстрел Белого Дома и все решения Е. Гайдара: «Белый дом был напичкан оружием. Потому его обстрел никак нельзя назвать неадекватной мерой. Ни один депутат не был даже поцарапан осколком. Их препроводили за решетку живыми и невредимыми. Поэтому выражение «расстрел парламента» пущено в ход людьми, не имеющими ни совести, ни ума»³¹.

Подчеркнем, что М. Чудакова является подписантом как «письма 36-ти», так и «письма 42-х», их тезисы она поддерживает и сегодня: «Во время встречи с журналистами Мариэтте Чудаковой был задан вопрос о том, не жалеет ли она о том, что подписала «письмо 42-х»? Мариэтта Чудакова ответила не задумываясь: «Подписала бы и сегодня!»³². Отметим, что поэт М. Чудакова - уникальный пример деятеля культуры, который творчески поддерживает расстрел Белого Дома даже спустя 20 лет.

Возможно, памятная дата 20-летия Октября 1993 года даст новый культурный толчок, даст новые творческие воплощения. Так, к 20-летию снято несколько документальных фильмов для показа на федеральных телеканалах. Один из них «Белый дом, Черный дым» («НТВ»), его режиссер В. Чернышов вложил в проект свой опыт очевидца: «Хоть я жил в Москве в то время, но в памяти у меня остались только какие-то «вспышки»: стреляющие по Белому Дому танки, автоматные очереди, комендантский час. Мы тогда были студентами и как-то сначала легко всё это воспринимали, тем более, что нам задурили головы ельцинской пропагандой. Изменения в моём сознании происходили, конечно, постепенно, но первое серьезное разочарование властью пришло тогда, когда мы увидели трупы на улицах Москвы»³³.

Но наиболее заметным артефактом культуры стала книга «1993» Сергея Шаргунова. Особенно он выделяется на фоне отсутствия других современных романов по теме. С 1999 года тема Октября 1993 года освещалась в литературе только в качестве эпизодов и фона. Нужно отметить, что для самого С. Шаргунова тема Октября является личной. Его отец, протоирей А. Шаргунов, в 1990-х годах публично критиковал Б. Ельцина и осуждал расстрел парламента. Сам С. Шаргунов сбежал из дома на баррикады Белого дома в 13 лет, чему посвятил главу своей «Книги без фотографий» (2011 год).

Роман С. Шаргунова имеет подзаголовок «семейный портрет на фоне горящего дома» сочетая исторический и семейный подход (в стиле «Семейных праздников» В. Белова). Супруги Брянцевы разделены идеологически: муж защищает Белый Дом, жена назло ему стала сторонницей президента. В книге подробно обозначена позиция защитников Белого дома, скрупулезно описаны их характеры, поступки. Сторонники президента безлики, им уделено крайне мало страниц. Тем не менее, роман стремится к объективности, избегая прямых обвинений, этим он отличается от оппозиционных

³¹ Чудакова М. Егор. Биографический роман, Москва, 2010.

³² Семенов А. Мариэтта Чудакова: «Нынешняя власть вдруг осточертела» // «Псковская губерния», № 27 (599), 11-17 июля 2012 г.

³³ Сошенко А. «Белый дом, черный дым» // Русская народная линия http://ruskline.ru/analitika/2013/09/28/belyj_dom_chyornyj_dym/

романов 1990-х годов. Политическая оппозиция автора проявляется в связи Октября 1993 года и современности: внук Брянцева участвует в митинге протеста 2012 года в Москве, где толпа борется с ОМОНовцами. Этот эпизод перекликается с драками его деда у Белого Дома в 1993 году.

Книга «1993» вызвала многочисленные положительные рецензии в федеральных СМИ, тем самым актуализировала и распространила память о событиях 1993 года в медиа-поле.

Мы попросили С. Шаргунова оценить народную память об Октябре 1993 года³⁴:

«— Какой вам видится народная память об октябре 1993 года?»

— Народная память — разная. Есть «патриотический взгляд»: Ирод поправил Конституцию и заклал героев. Есть «либеральный взгляд», который менялся эти годы: от приятия действий Кремля в общем и целом до той или иной степени осуждения. А обыватель путает 91-й и 93-й годы. Мне захотелось в романе провести историческое расследование, создать историческую реконструкцию, показать разные стороны конфликта с их «правдами».

— Как бы Вы охарактеризовали творчество об октябре 1993 года: прозу, поэзию, бардовские песни, документальные фильмы?

— В основном это произведения «проигравших». Пестрая разноголосая оппозиция 90-х получила свой Миф, свой Образ, свой источник вдохновения и вечный памятник скорби. Восстание и Расстрел...

— Почему сторонники власти не создали произведений в защиту решений Ельцина?

— Потому что, например, вскоре началась Чеченская война, прямо вышедшая из событий 4 октября, а «прогрессивная общественность» оказалась грубо отодвинута. Чтобы кого-то воспеть в искусстве, нужно воспринимать его идеалистически.

— Вы связываете в книге события августа 1991 года, октября 1993 года и протесты 2011—2012 годов на Болотной площади. Уместно ли включить в этот ряд Чеченскую войну?

— В романе пролог отдан событиям на Болотной 6 мая так же, как и эпилог. Я показываю, как рядом оказались сейчас среди прочих те, кто противостоял друг другу 20 лет назад. А Чечня... Да, Чечня была во многом следствием того октября, я полагаю так»³⁵.

³⁴ Интервью Д. Асташкина с С. Шаргуновым от 27 июля 2013 года. Машинопись.

³⁵ Интервью Д. Асташкина с С. Шаргуновым от 27 июля 2013 года. Машинопись.

Заметим, что о связи 1993 года и Чеченской войны говорит также создатель фильма «Черный Октябрь Белого дома» А. Бабченко: «До сих пор считаю, что эта война положила начало всем последующим войнам России. Не было бы Белого Дома, не было бы и Чечни»³⁶. Возможно, Октябрь 1993 года воспринимается деятелями культуры как начало и символ всех ошибок Б. Ельцина.

Сам Белый Дом за 20 лет менял свое символическое значение в российской культуре. В 1990-х годах он был для сторонников президента последним «красно-коричневым» препятствием на пути к демократии, а для защитников парламента символом Конституции и оппозиции власти. В 2000-х годах Белый дом все чаще воспринимается как трагический символ гражданской войны и кровавой жертвы.

Осмысление Октября 1993 в российской культуре стало способом критиковать режим Б. Ельцина, способом взять идеологический реванш за поражение парламента, способом понять природу братоубийственных конфликтов. Поэтому большинство артефактов культуры героизируют погибших защитников Белого дома, обвиняют президента, милицию и армию в чрезмерной жестокости. Ключевое место в них занимает изображение хаоса в Москве, потеря ориентиров «свой-чужой». Тем не менее, артефакты культуры об Октябре 1993 года постепенно теряют свое политическое значение, приобретая более нейтральный исторический смысл.

³⁶ Живой журнал А. Бабченко <http://starshinazapasa.livejournal.com/287453.html>